

УДК 911.3

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

© 2012 г. Т.Г. Нефедова

Институт географии РАН

Поступила в редакцию 17.09.2011 г.

В статье на основе комплексного полимасштабного подхода анализируются роль пространства в развитии сельской местности России и основные факторы ее территориальной организации на уровне страны, регионов, муниципальных районов. Сравниваются причины и последствия изменений освоенного сельского пространства Нечерноземья и Юга на примере двух регионов – Костромской области и Ставропольского края. Доказано, что положение на осях “север – юг”, “пригород – периферия”, “русские – нерусские регионы” для сельской местности важнее, чем социализм или капитализм, план или рынок. Эти оси формируют определенную эндогенную основу, влияющую на воплощение на конкретной территории макроэкономических или институциональных изменений. Выявлены процессы поляризации и сжатия освоенного сельского пространства России.

ВВЕДЕНИЕ

Одна из основных особенностей сельской России – ее огромное разнообразие. Свойство это не уникальное, характерное для всех больших стран. Но в России оно усиливалось тем, что сельское освоение, в том числе сельское хозяйство, “затягивалось” в самые неблагоприятные условия. Кроме того, люди вне городов в меньшей степени подвержены глобализации и “перемалыванию” и продолжают жить в разных мирах и даже временах.

Важными факторами изменения сельского пространства России стали резкое уменьшение государственного участия в сельскохозяйственном и лесохозяйственном производстве, что снизило их конкурентоспособность как на внешнем, так и на внутреннем рынке. Это дало толчок для сильной экономической поляризации хозяйствующих субъектов. С одной стороны, стали формироваться крупные холдинги, консолидирующие прежние советские предприятия, крупные земельные и лесные участки. С другой стороны, использование населением мелких приусадебных участков и ресурсов леса нацелено на простое выживание с небольшой товарной составляющей. Такое новое явление, как фермеры, заняли свою нишу, но доля их в производстве невелика. Колхозы, совхозы, леспромхозы, прежде работавшие в сельской местности, за 20 лет претерпели значи-

тельные изменения либо исчезли. Экономическая поляризация наложилась на сильные социальные различия, связанные с длительной депопуляцией сельской местности. Природная и социально-экономическая неоднородность российского пространства сильнейшим образом трансформировали на отдельных территориях общие для страны макроэкономические изменения.

КОМПЛЕКСНЫЙ, ПОЛИМАСШТАБНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

Социально-экономическая география изучает пространственную организацию сельской местности как часть территориальной организации общества, то есть пространственные различия, процессы, структуры и отношения составляющих общества и его среды: самого сельского населения, разных видов его деятельности и экономических результатов, социальных отношений, различий в системе жизнеобеспечения и т.п. вплоть до территориального управления. Наиболее важны пространственные различия в предпосылках (возможностях) и ограничениях развития.

В последние годы все более заметны процессы интеграции разных наук в этой области. Экономико- и физико-географическое изучение сель-

ской местности пересекается с экономическим и социологическим, причем границы между подходами довольно условны, а выводы дополняют друг друга. Однако у географов есть три мощных опоры.

1. Географы видят территорию как совокупность природных, экономических, социальных и прочих факторов. Это означает, что наряду с отраслевым подходом необходим социально-географический анализ: состава населения (в том числе этнического), миграций, системы расселения, социальных отношений, традиций и т.п. В России в начале XX в. комплексный анализ сельской местности на основе экономической и социальной статистики был характерен для аграрной школы, особенно для наиболее ярких ее представителей – А.В. Чайнова и А.Н. Челинцева [41, 42]. В середине века еще встречались отдельные примеры комплексного описания сельских территорий [36], однако позднее в географии произошло четкое разделение производственно-экономических исследований (прежде всего размещения сельского хозяйства), вылившихся в мощную школу А.Н. Ракитникова [32], и изучения сельского населения и сферы обслуживания (школа С.А. Ковалева [2, 14, 19]).

В 1980–1990-х годах ситуация начала меняться. В географии проблемы сельского хозяйства первым связал с положением местности относительно крупных городов Г.В. Иоффе [11]. У социологов появились концепции воздействия экономики на расселение [8]. Постепенно происходит возвращение к комплексности, чему немало способствовало взаимодействие географов с социологами и экономистами. Достаточно упомянуть недавно изданные книги о сельской местности географов [28], социологов [13] и экономистов [39], чтобы понять, что у разных специалистов не только общий предмет исследования, но происходит конвергенция подходов. Тем не менее изюминка географического подхода по-прежнему состоит в выявлении пространственной сегрегации и интеграции разных явлений на разных территориях.

2. Географы видят и изучают пространство в его конкретном многообразии, проводят сравнительный анализ разных мест, систематизируют различия, ищут факторы, их определяющие. Н.В. Зубаревич, например, рассматривает пространственное неравенство как “объективное следствие концентрации конкурентных преимуществ в одних территориях и их отсутствия или дефицита в других” [9, с. 9]. Близки к такому подходу и региональные экономисты [17].

Среди огромного разнообразия географических факторов, влияющих на развитие сельской местности, можно выделить три основных [22]: 1) природные условия и ресурсы; 2) экономика-географическое положение, прежде всего удаленность от городов разного размера и транспортных магистралей как воплощение центр-периферийных различий [6, 11, 51]; 3) этнический состав населения. Эти факторы в совокупности влияют на многие другие параметры: плотность, состав и миграцию населения, его менталитет и традиции хозяйствования, транспортную и социальную инфраструктуру территории, экономическую специализацию и взаимоотношения с потребителями продукции и даже на результаты деятельности, включая ее эффективность и продуктивность земли и скота. Безусловно, сказывается также унаследованность советской производственной структуры и всегда остается место исторически возникшим традициям, роли личности и даже случайности. Тем не менее выявление направления и ширины коридора возможного развития при данных макроэкономических и институциональных условиях во многом обусловлено сочетанием указанных трех географических факторов. Их знание позволяет избежать волюнтаристских решений в отношении перспективного развития.

3. Географы используют принцип полимасштабности [12, 16, 22, 28, 40], то есть одновременно работают в разных масштабах – от обзорного (мир, страна) до детального (село и даже отдельный участок)¹. Социологи и экономисты, в том числе региональные, редко опускаются ниже уровня субъектов РФ, хотя есть отдельные работы [18]. Игра масштабами – и заповедь классиков [20], и важный принцип географии, ведь каждое место – мир масштабов и межмасштабных отношений [12].

В статье на конкретных примерах показано, как воплощаются принципы комплексности, систематизации пространственного многообразия и полимасштабности при исследовании изменения сельского пространства и роли разных факторов на конкретных ступенях масштабной лестницы.

¹ В этом значительное преимущество российских географов, хотя разновидности географических масштабов (картографический, аналитический, характерный масштаб явлений) подробно анализируются и в западной литературе [50, 52, 54]. Есть даже такое понятие, как трансмасштабная ошибка. Но представление о том, что любой доступный для исследования уровень явления – это лишь ступенька на масштабной лестнице, которую надо всегда иметь в виду, разработано слабо.

ОСНОВНЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИИ

При всей усредненности информации по стране в целом на ее основе можно получить представление о пространственных процессах. Наглядным примером служит сельское хозяйство, как местообразующая отрасль большинства сельских поселений, хотя его депрессия способствовала тому, что во многих из них определяющую роль стала играть бюджетная сфера. В лесной зоне важны также возможности использования древесных и недревесных ресурсов леса.

На этапе выхода из кризиса 1990-х годов при росте валовой продукции сельского хозяйства (определяемой по ежегодным индексам производства в сопоставимых ценах) продолжалось сокращение посевных площадей и поголовья крупного рогатого скота (рис. 1). Все это происходило на фоне убыли сельского населения. Уже на уровне страны можно выдвинуть гипотезу о *поляризации и сжатии освоенного пространства России* – посткризисный рост агропроизводства наблюдался в отдельных ареалах при сохранявшейся социально-экономической депрессии на огромной территории.

В то же время рост цен на нефть в 2000-х годах позволил немного повысить зарплаты некоторым группам бюджетных работников и, главное, пенсии сельских жителей [10], что, наоборот, способствовало определенному выравниванию после резкого усиления социальной дифференциации 1990-х.

Выявить ареалы развития и упадка сельских территорий в первом приближении можно уже на следующем масштабном уровне – субъектов РФ. Сравнение кривых на рис. 2 и 3 показывает, насколько при общем макроэкономическом кризисе сельского хозяйства различались тенденции в Нечерноземье и в южной части Европейской России. В типично нечерноземной Костромской области сельскохозяйственное производство, поголовье крупного рогатого скота и посевные площади постоянно сокращались вследствие общего коллапса аграрной деятельности. Однако объем производства падал гораздо медленнее посевной и поголовья, что заставляет предположить наличие некоторых жизнеспособных очагов при общем сжатии пространства сельскохозяйственной деятельности. В Ставропольском крае производство при всех колебаниях в 2000 г. превысило уровень 1990 г., а посевные площади сократились незначительно при резком увеличении

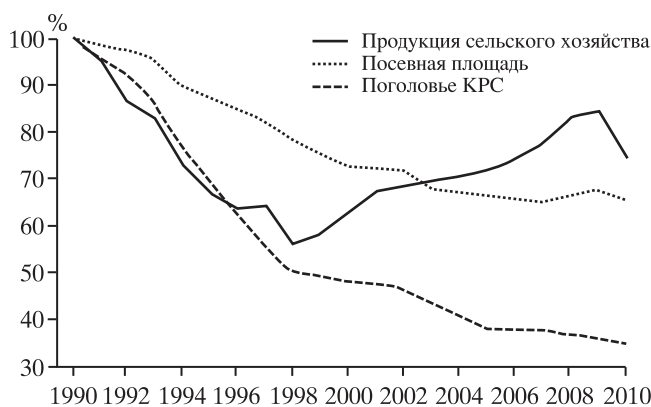

Рис. 1. Динамика агропроизводства, посевной площади и поголовья крупного рогатого скота (КРС) в РФ, % к 1990 г. Составлено по: [33, 35, 37, 38, 45].

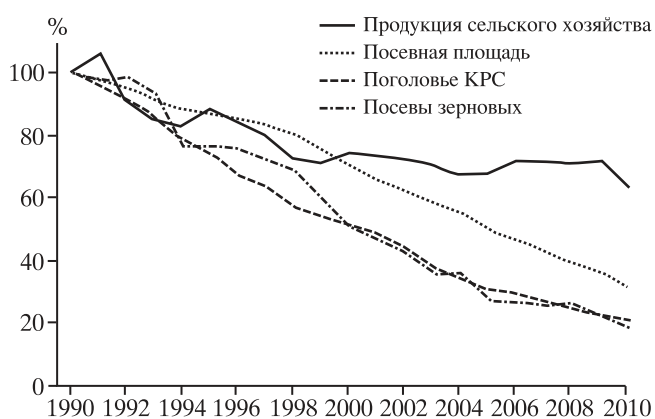

Рис. 2. Динамика агропроизводства, посевной площади и поголовья крупного рогатого скота (КРС) в Костромской области, % к 1990 г. Составлено по: [29, 30, 33, 37, 38, 45].

посевов зерновых культур, правда, уменьшение поголовья КРС, как и в Костромской области, было очень сильным. Тем не менее и в крае разрывы между динамикой производства, посевных площадей и поголовья скота велики, что также говорит о пространственной поляризации, но другого типа. Она в большей степени связана со сменой специализации в ряде районов с животноводческо-растениеводческой на растениеводческую и с экономической дифференциацией предприятий.

В результате прекращения мощной в советский период поддержки аграрного сектора, роль сельского хозяйства нечерноземных регионов в стране снизилась (рис. 4), используемая в сельском хозяйстве территория сжалась. Одно это уже дает представление о разнонаправленности процессов в аграрном секторе на севере и на юге России и об усилении на этом масштабном уровне фактора природных условий в дифференциации сельской

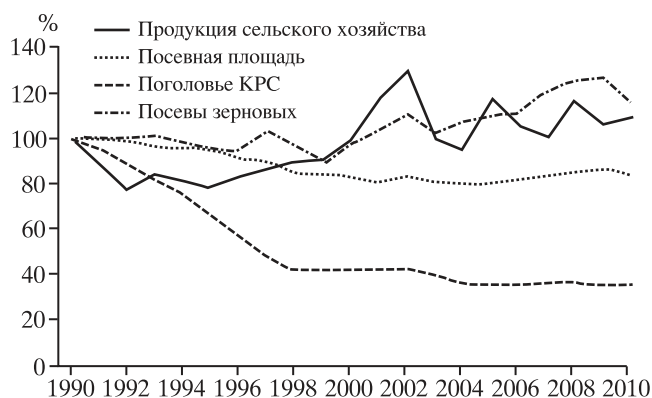

Рис. 3. Динамика агропроизводства, посевной площади и поголовья крупного рогатого скота (КРС) в Ставропольском крае, % к 1990 г.

Составлено по: [29, 30, 33, 37, 38, 45].

местности. Разнонаправленные процессы обуславливают и разный характер изменения занятости населения, и различия в социальной трансформации села. Они также выявляют наиболее конкурентоспособные регионы, которые могут вытянуть российское сельское хозяйство в новых экономических условиях.

Однако разнонаправленность процессов трансформации хозяйства на севере и юге связана не только с природными условиями, но и с разной степенью депопуляции сельской местности. Самые тяжелые последствия депопуляции в результате оттока сельского населения в города характерны для Нечерноземья, особенно к западу и северу от Московской области, где плотность населения и прежде была ниже, чем в южном направлении (рис. 5). Результаты исследования разных районов России показывает, что *при суммарном воздействии сильнейшей депопуляции сельской местности (потере более половины населения за последние 50 лет в основном из-за его оттока) и сформировавшейся в результате этого крайне низкой плотности населения (менее 5 чел. на кв. км) происходит качественное изменение социальной среды и сохранение крупных предприятий становится проблематичным* [24].

На картах динамики сельского населения и сельского хозяйства по субъектам РФ (см. рис. 4 и 5) видно, что есть исключения из общих широтно-ориентированных процессов. Это, прежде всего, крупногородские регионы с их агломерациями,

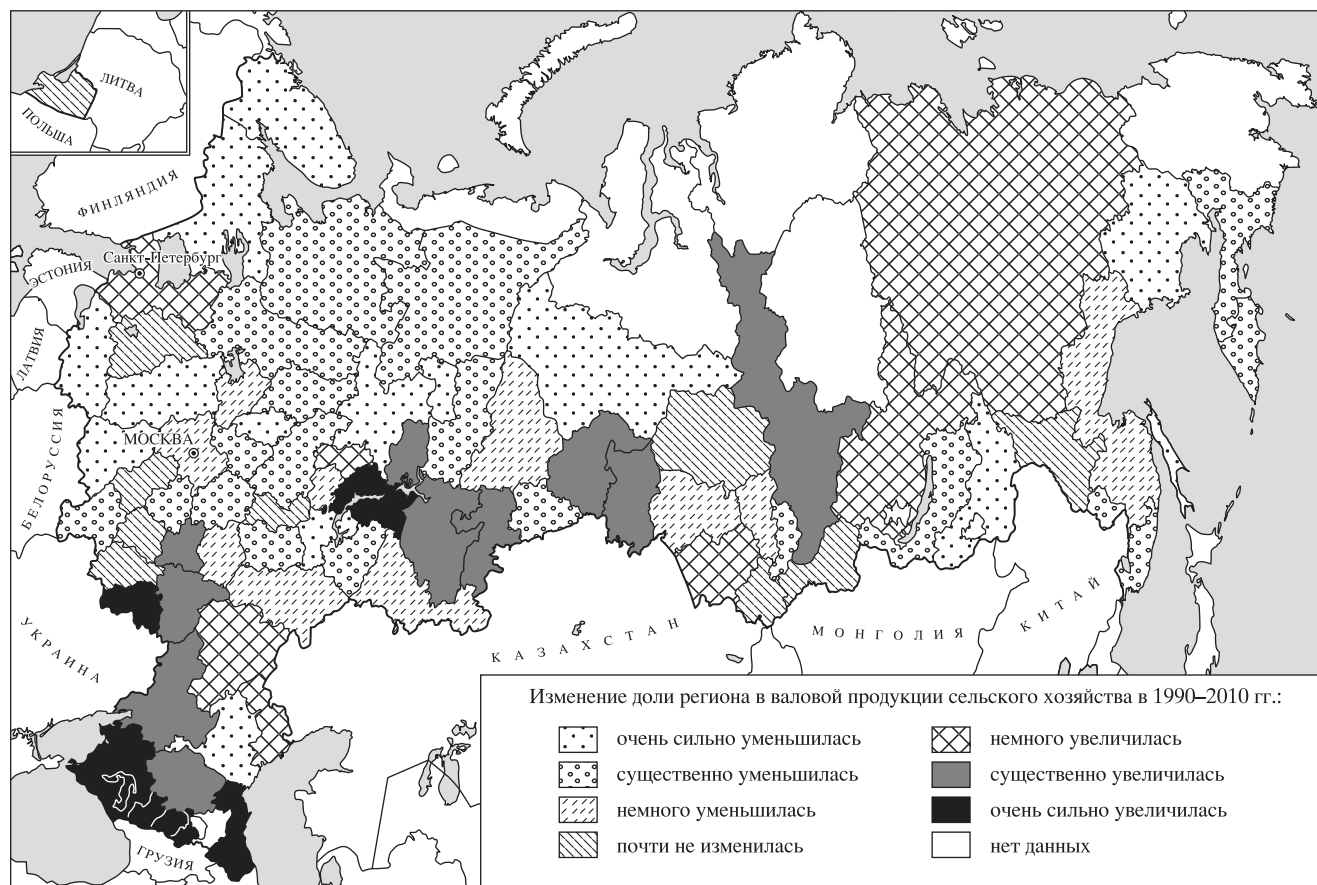

Рис. 4. Изменение вклада субъектов РФ в валовое производство сельскохозяйственной продукции в 1990–2010 гг. Составлено по: [33].

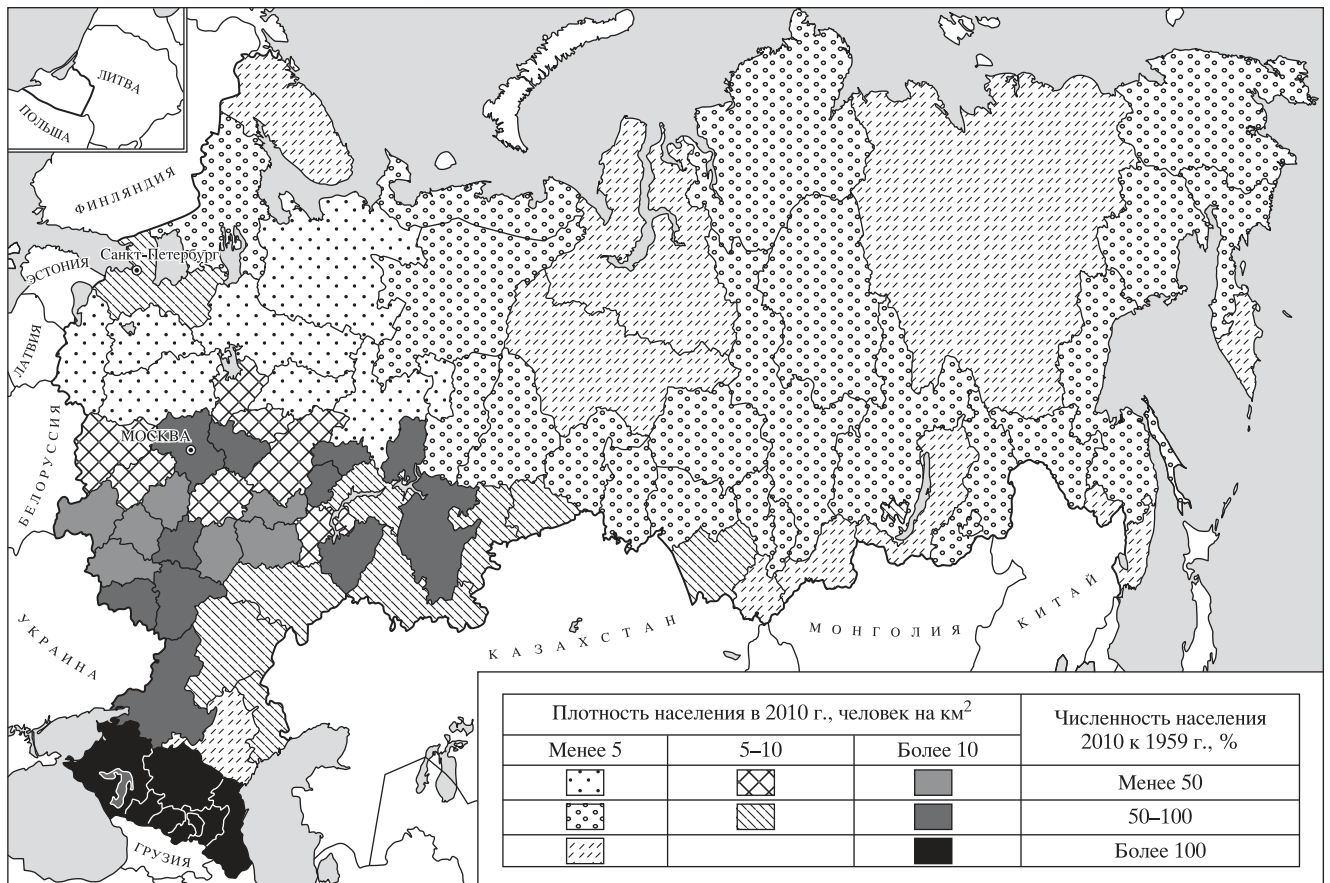

Рис. 5. Динамика сельского населения в 1959–2010 гг. и его плотность в 2010 г. по субъектам РФ.
Составлено по: [3, 7].

стягивающими сельское население и инвестиции, и некоторые республики, население которых лучше сохранило сельский менталитет [28].

Таким образом, даже на этом масштабном уровне работают все три объективных фактора территориальной организации сельской местности, хотя наиболее выраженным процессом стало нормальное для всех больших стран *территориальное разделение труда в сельском хозяйстве и его сдвиг в южные районы* с лучшими природными условиями и сохранностью трудового капитала. Для лесопромышленной деятельности также характерно усиление межрегиональных контрастов в лесозаготовках, связанное, прежде всего, с возможностями экспорта древесины и наличием в регионах крупных лесоперерабатывающих предприятий [16].

РАЗЛИЧИЯ ВНУТРИ РЕГИОНОВ

Различия между муниципальными районами внутри субъектов РФ, как правило, гораздо больше, чем между самими субъектами. В ходе урба-

низации сельское население ехало как в города, так и поближе к ним, в пригороды, причем не обязательно в агломерационные. Минимальный размер города, способного сформировать вокруг себя административный район с повышенной плотностью сельского населения и лучшими социально-экономическими характеристиками, в Нечерноземье составлял 100 тыс. жителей, в южных районах с более высокой социально-экономической плотностью – 250–500 тысяч [22, 25]. Перепады в плотности сельского населения внутри регионов в постсоветское время усилились (рис. 6). Проблемы внутренней периферии, в том числе районов, удаленных от больших городов в староосвоенных субъектах РФ, неоднократно рассматривались в литературе [11, 12, 22, 25–27, 34]. Дело не столько в нехватке трудоспособного населения в периферийных районах (в настоящее время при сильном кризисном сокращении рабочих мест с приемлемой зарплатой, опередившем сокращение населения, почти всюду наблюдается избыток незанятых сельских жителей), а в длительном отрицательном социальном отборе и пониженной мотивации деятельности [49] значи-

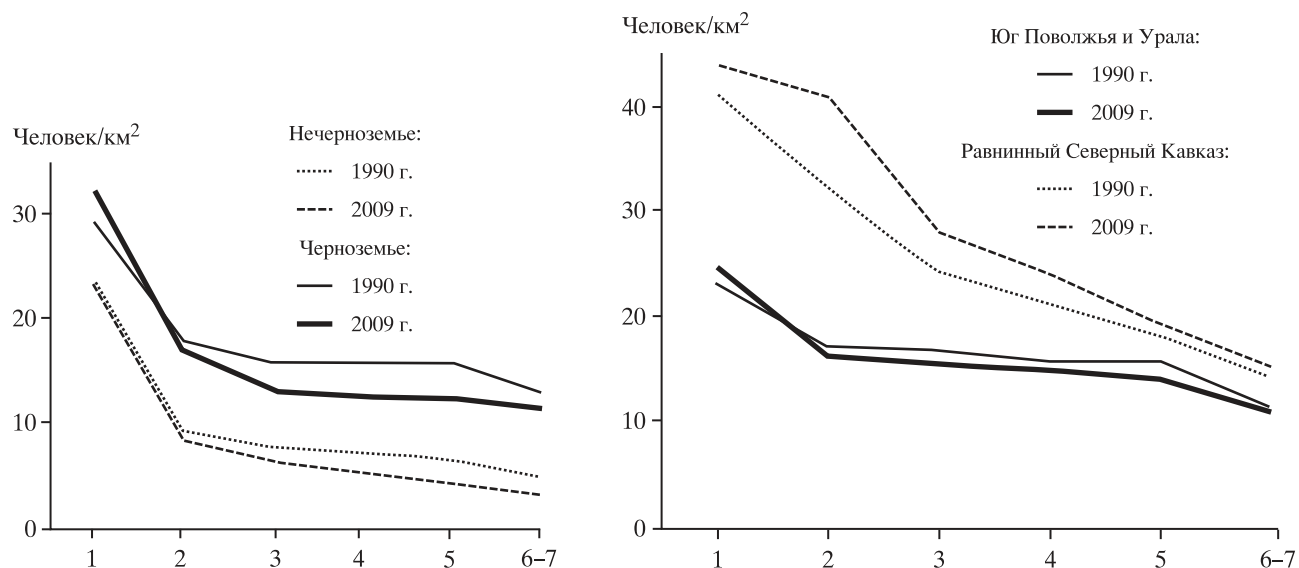

Рис. 6. Изменение плотности сельского населения в регионах Европейской России с удалением от центров, чел. на кв. км. Составлено по: [43, 44].

тельной части населения в районах длительной депопуляции.

Не только население, но и любое обустройство “тает” в России по мере удаления от центров. Исключение составляют лишь поселения в районах освоения ценных природных ресурсов на внешней периферии страны. Как правило, чем дальше от столицы региона, тем меньше плотность автодорог и хуже обустройство газом, водопроводом, канализацией, причем не только сельской местности, но даже городов.

Недаром карта на рис. 7, где показаны районы с лучшим состоянием сельскохозяйственного производства², не только соответствует характеру природных предпосылок, но и во многом повторяет карту плотности сельского населения, которое давно уже сконцентрировалось помимо юга вокруг больших городов. Однако из-за острой конкуренции за землю в пригородах и вытеснения оттуда даже относительно успешного сельского хозяйства происходит вторичная диффузия: некоторые крупные предприятия и агрохолдинги пытаются создавать филиалы и в более удаленных районах, приобретая в райцентрах пищевые предприятия, а также колхозы и арендуемые ими

земли. Тормозит этот процесс не столько сложность доставки продукции, сколько неудовлетворительное состояние предприятий, инфраструктуры и качество трудовых ресурсов на периферии. Поэтому и агрохолдинги стремятся в районы, не сильно отдаленные от крупных городов (полу-пригороды), или в более южные.

Из-за деградации старой, еще советских времен, инфраструктуры бывших леспромхозов лесозаготовки также все больше смещаются к более освоенным ареалам и поближе к городам с крупными перерабатывающими древесину предприятиями, способными удержать сырьевую зону [15, 27]. Все это ведет к *сжатию пространства активной деятельности внутри субъектов РФ*.

Процессы пространственной концентрации предприятий сопровождались деконцентрацией хозяйственной деятельности населения. Доля личных подсобных хозяйств, в значительной степени нетоварных и малотоварных, увеличилась с 26% в 1990 г. до 49% в 2010 г. [35, 37]. Однако выявляются целые районы, в которых мелкие частные хозяйства характеризуются повышенной товарностью. Их появление также можно объяснить природными предпосылками (благоприятные почвы, специализация сельского хозяйства), географическим положением (близость рынков сбыта и более активное население вблизи городов) и в немалой степени этническими факторами [28].

Если попытаться посчитать долю территорий с разной степенью интенсивности землепользования (с учетом структуры земельных угодий,

² Районы с разным состоянием сельского хозяйства выделялись на основе следующих показателей на 2003–2004 гг.: доля убыточных агропредприятий; структура посевной площади и ее доля в территории; поголовье скота в сельскохозяйственных организациях, у фермеров и в хозяйствах населения; динамика агропроизводства, поголовья скота и посевных площадей, в % к 1990 г.; средний надой молока от одной коровы; средняя урожайность зерновых культур за 2000–2004 гг.

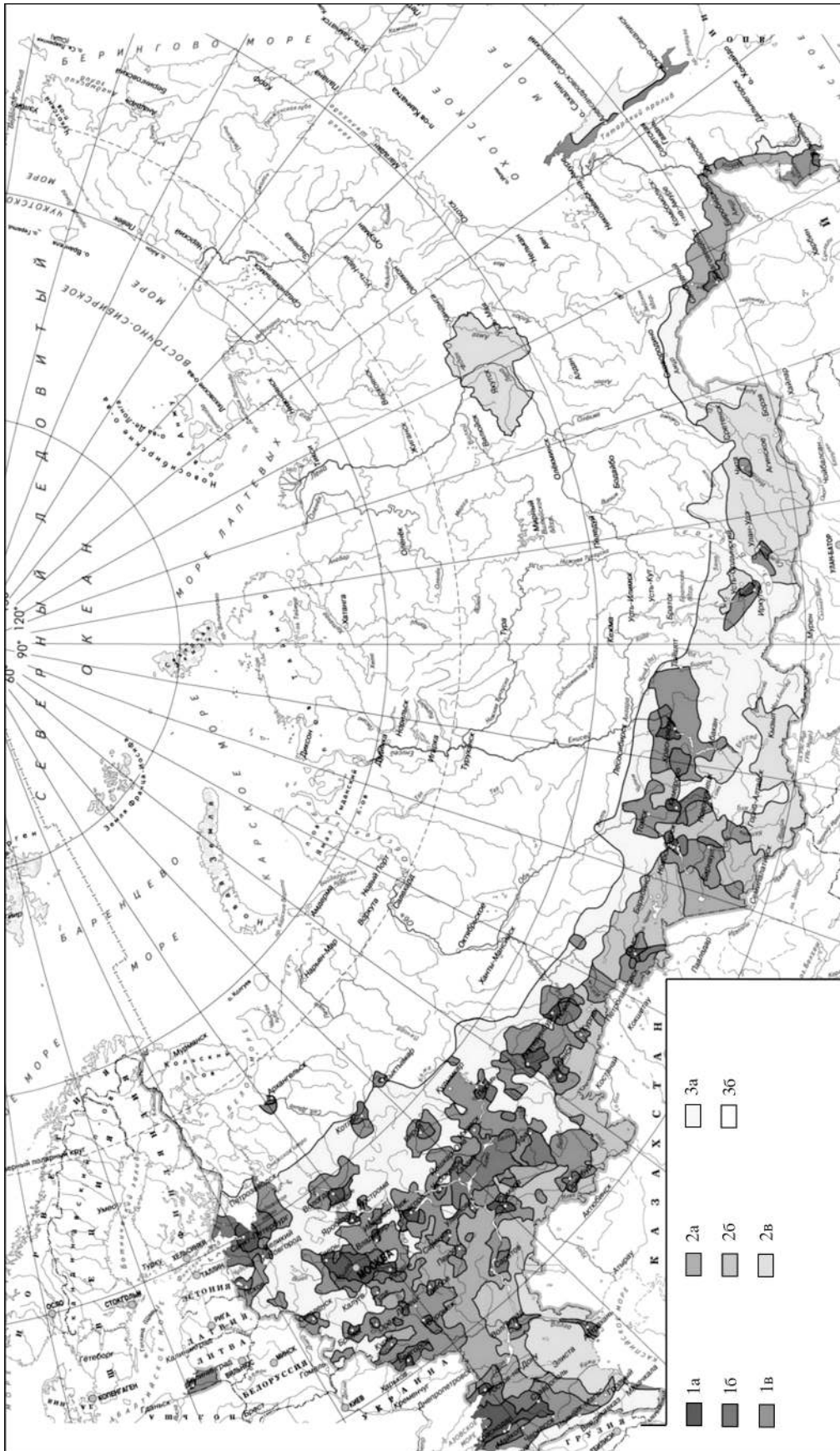

Рис. 7. Состояние сельского хозяйства в административных районах России.

1 – Районы с более дееспособным сельским хозяйством растениеводческо-животноводческой специализации с повышенной долей крупнотоварного производства; а – с высокими показателями концентрации скота на крупных предприятиях, его продуктивности и урожайности культур (вблизи городов – выгесение агропредприятий другими видами землепользования); б – с повышенными показателями концентрации скота на предприятиях, его продуктивности и урожайности культур; в – со среднероссийскими показателями продуктивности скота и урожайности культур.

2 – Районы со специализированным сельским хозяйством, сильным сокращением поголовья скота на предприятии и животноводческими, часто товарными, хозяйствами населения: а – зерновые с участием технических культур с пониженной урожайностью; б – зерновые с низкой и нестабильной урожайностью; в – экстенсивного скотоводства и овощеводства.

3 – Районы с наименее дееспособным сельским хозяйством: а – с очень сильным сокращением поголовья скота и посевной площади на предприятиях и преимущественно нетоварными хозяйствами населения; б – с минимальным сельским хозяйством, кроме оленеводства.

Составлено на базе информации по административным районам на 2003–2004 гг.

Таблица. Распределение площади муниципальных районов и сельского населения РФ по территориям с разной степенью интенсивности землепользования, %

Интенсивность землепользования	Высокая	Повышенная	Средняя	Пониженная	Низкая	Очень низкая	Всего
Доля в территории, %	1.7	1.9	7.1	9.0	31.8	48.5	100.0
Доля в сельском населении, %	19.8	14.7	30.9	17.9	15.5	1.2	100.0
Плотность сельского населения, чел./кв. км	25.2	16.2	9.0	4.2	1.0	0.1	2.1

наличия и состояния сельскохозяйственных, лесопромышленных предприятий, количества скота в хозяйствах населения) и долю сельского населения, проживающего на этих территориях, то можно оценить степень поляризации сельского пространства России (таблица). Интенсивность использования около 80% площади – низкая и очень низкая, часто в силу природных ограничений, но не только. Низкая интенсивность часто бывает вторичной в районах депопуляции и ухода какой-либо деятельности. Треть сельского населения проживает все-таки в активных жизнеспособных районах, занимающих всего 3,6% территории, в основном в пригородах, в районах с наиболее благоприятными природными условиями и в некоторых республиках.

После вступления России в ВТО³ поляризация сельского пространства усилится. И дело не в уменьшении государственной поддержки агросектора. Страна окажется более открытой для импорта, что при пониженной конкурентоспособности российского сельского хозяйства, его низкой продуктивности и высокой себестоимости агропродукции и лесопереработки во многих районах даст шанс наиболее сильным предприятиям, в том числе связанным с экспортом.

Для подробного обследования были выбраны два ключевых региона: Костромская область как типичный нечерноземный старопромышленный регион и Ставропольский край как пример региона на юге Европейской России⁴.

³ Протокол подписан в декабре 2011 г., на ратификацию отводится 220 дней. Сумма государственной поддержки зафиксирована на уровне 9 млрд. руб., к 2017 г. она снизится до 4.4 млрд. руб., в то время как в 2011 г. она составляла всего 3 млрд. руб. [47]. Изменяются меры “желтой корзины”, то есть прямой поддержки, в то время как широко применяемые в России косвенные меры “зеленой корзины” не лимитированы (субсидирование кредитов на модернизацию производства, развитие инфраструктуры села и т.п.)

⁴ Исследования на территории Костромской области проводились автором в 2006–2011 гг. в рамках темы Института географии РАН и проекта РФФИ по изучению Российского Севера (руководитель Н.Е. Покровский) [23–25]. Исследование Ставропольского края в 1990-х – начале 2000-х годов

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ – ПРИМЕР РЕГИОНА В НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ

Для Костромской области характерны сильный и длительный отток сельского населения, ориентация преимущественно на низовые звенья сельского и лесного хозяйства, низкая инвестиционная привлекательность. Мелкоселенность и длительная депопуляция привели к тому, что 66% всех населенных пунктов области можно отнести к умирающим: без постоянного населения или с населением менее 10 человек [3].

Но главное – это огромные и возрастающие пространственные контрасты в сельской местности внутри региона (рис. 8). Резкий рост пространственной вариации сельского населения за счет его оттока из удаленных районов начался в 1960-х годах и на первых порах сопровождался адекватной поляризацией хозяйственной деятельности. Однако в 1970–1990-х годах рост коэффициента вариации населения сильно опережал рост вариации хозяйственных показателей, что и привело при отсутствии соответствующих адаптационных механизмов к тяжелой депрессии сельского хозяйства (несмотря на большие дотации), особенно в периферийных районах.

Наиболее сильные различия и до 1990 г., и сейчас наблюдаются между пригородом Костромы и удаленными районами. В *пригородном Костромском районе*, несмотря на сравнительную маломощность Костромы, на 3.4% территории живет 19% сельского населения и производится 25% сельскохозяйственной продукции области. С 1959 г. численность сельского населения пригородного района сократилась на 15%, причем

помимо бюджетных тем Института географии РАН опиралось на совместный проект с университетом Оксфорда, Великобритания (руководитель Дж. Пэллот) [28], в 2010–2011 гг. проводилось в рамках проекта университета Оклахомы, США “Land Abandonment in Russia: Understanding Recent Trends and Assessing Future Vulnerability and Adaptation to Changing Climate and Population Dynamics” (руководитель К.М. Де Бире).

большая его часть живет в селах людностью более 100 чел. Плотность сельского населения в пригородном районе – 22 чел. на кв. км, в соседних районах – 6–10, а на периферии 2–3 человека. Хотя посевная площадь и поголовье крупного рогатого скота сократились и в пригороде, сюда приходит бизнес, занимаясь в том числе модернизацией свиноводства, укрупняются агропредприятия. Даже фермеров в пригородах больше, хотя из-за земельного дефицита более благоприятной зоной для них служат районы – соседи второго порядка.

В *периферийных районах* сельское население убывает с 1917 г. За последние 50 лет оно уменьшилось на три четверти, при этом подавляющая его часть рассредоточена по малым деревням. Длительный отрицательный социальный отбор, затяжная безработица, связанная с упадком агропредприятий, и постепенная деградация социальной среды дополнили количественное оскудение качественным. Посевная площадь и поголовье крупного рогатого скота сократились с 1990 г. в 7–10 раз. Продуктивность скота при обилии пастбищ и зарастающих полей в среднем в 2–2.5 раза ниже, чем в пригороде, причем контрасты между пригородными и периферийными районами усилились (рис. 9 и 10).

Лесная промышленность отчасти поддерживает малые города на периферии, особенно если в нее удалось привлечь инвесторов для сохранения предприятий (фанерный комбинат в Мантурово, деревообрабатывающий завод в Макарьеве и др.) или создания новых (завод древесно-стружечных плит “КроноСтар” на иностранных инвестициях в Шарье). Лесозаготовки дают работу части сельских жителей, однако проблему занятости кардинально не решают. В среднем около половины

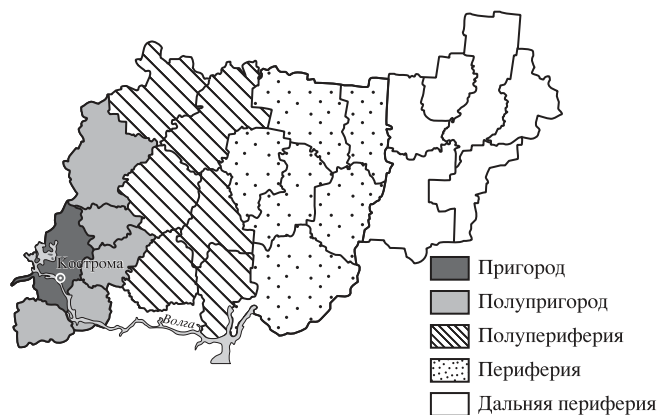

Рис. 9. Пригородно-периферийное положение районов Костромской области.

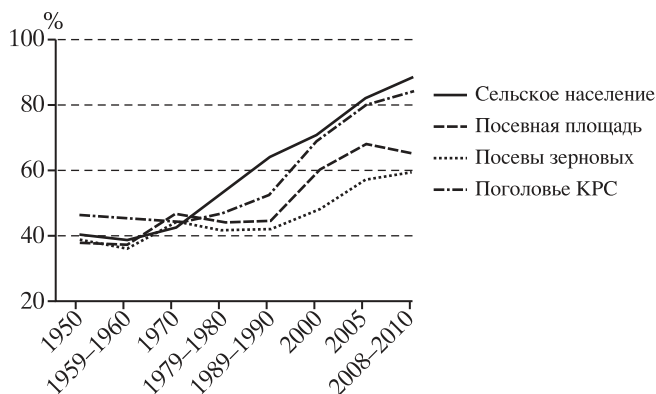

Рис. 8. Изменение коэффициента пространственной вариации сельского населения и сельского хозяйства в Костромской области с 1950 по 2010 г.

трудоспособного сельского населения не имеет постоянной работы, хотя официально зарегистрированный уровень безработицы низок. Даже в таких глубинных депопулировавших районах наблюдается недостаток рабочих мест, но они не появляются из-за конкуренции городских вакансий и качества местной рабочей силы.

Есть особые уникальные миры на периферии. Например, в северо-восточные районы Костромской области (см. рис. 9) депопуляция и экономический кризис доходили с опозданием. Удаленные от областного центра более чем на 500 км, они, тем не менее, прежде обладали более высокой плотностью сельского населения и более развитым зерновым хозяйством, чем другие периферийные районы, благодаря положению в “северном ополье” с относительно благодатными лучше дренируемыми почвами. Но в рыночных условиях удаленность от областного центра оказалась неумолимым фактором усиленного оттока населения, и в последние годы эти районы “дого-

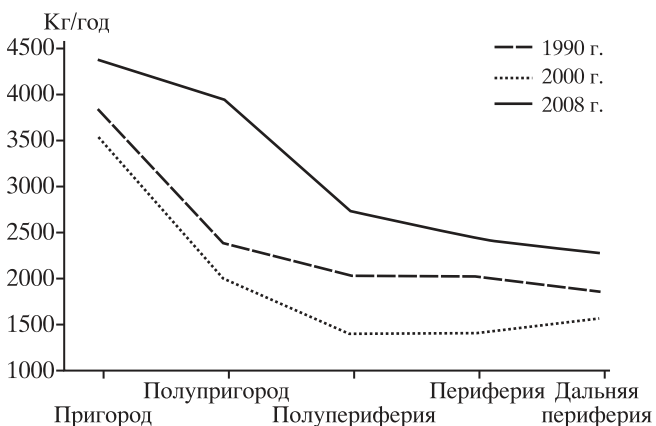

Рис. 10. Надой молока от одной коровы в 1990, 2000 и 2008 гг. в зонах разной удаленности от Костромы, кг в год. Составлено по: [5, 21].

няют” другие депрессивные территории области. Экономике отчасти спасают лишь подразделения регионального агрохолдинга “Костромамолпром” и лесозаготовки [1].

Если спуститься на внутрирайонный масштабный уровень, например, в периферийный Мантуровский район, то можно увидеть, что при сильном отставании многих показателей от среднероссийских и даже среднекостромских, 3–4 хозяйства имеют шансы сохраниться за счет поддержки агропредприятий молокозаводом, расположенном в райцентре, (подразделение того же Костромского агрохолдинга) или с помощью администрации района (создано муниципальное унитарное сельскохозяйственное предприятие).

На уровне отдельных поселений и предприятий процессы деградации сельского хозяйства в Нечерноземье становятся более очевидными. В Угорском поселении Мантуровского района⁵ при катастрофической убыли сельского населения (осталось 14% от численности 1926 г.) до 1980-х годов происходило расширение сельскохозяйственных земель. Это привело к тому, что колхоз, в 1970-х годах вполне успешный благодаря сильному руководителю и огромным дотациям, начал испытывать трудности уже в начале 1980-х и “рухнул” в 1990-х [23]. Более 80% пашни не востребованы и зарастают лесом. Переход к частному хозяйству также проблематичен. Фермеров местная среда не производит. Товарность личных хозяйств населения низка. Опросы показали, что лишь 14% домохозяйств готовы к товарному производству, даже если им оказать ту или иную помощь.

В таких районах спонтанно осуществляется модель экономики “хозяйственного сжатия”, сопровождающаяся уменьшением реально работоспособного местного населения и площади освоенных территорий. Она неизбежно приводит к усилению очаговости освоения и к переходу к использованию иных природных ресурсов: древесины, даров леса, ландшафта в целом. Традиционное сельское хозяйство стало не основной, а дополнительной, часто обслуживающей, отраслью.

Подвижность населения в последние десятилетия сильно выросла, хотя официальная статистика это не улавливает. Так, от четверти до трети трудоспособных жителей Угорского поселения работают периодически в Москве, Подмосковье, других больших городах. В летние месяцы

население заметно увеличивается за счет детей и внуков местных жителей, приезжающих из городов, а также москвичей, купивших здесь дома. Роль временного населения особенно велика в малых деревнях, где московские дачники являются собственниками более 70% домохозяйств. В деревнях с населением 30–40 чел. численность постоянного и временного населения почти равны, в центре поселения доля дачников – около 30% [26].

При этом социальные пространственные структуры, связанные с вторичным дачным освоением глубинки, на локальном уровне подверглись значительному изменению. Раньше существовало два колхоза и, при превалировании производственной организации, два центра социальной жизни. Даже расположенные рядом деревни общались мало и были ориентированы на свои колхозные центры. После объединения колхозов в 1970–1980-х годах вся социальная инфраструктура и связи стянулись в центральный населенный пункт и началось выпадение из социальных сетей малых деревень. В настоящее время и производственная сеть сведена на нет. Доля центра в численности населения при усиливающейся депопуляции малых деревень выросла, хотя он сохранил преимущественно административно-обслуживающие функции (сельская администрация, почта, школа, магазин, ФАП). Зато появились новые неформальные центры социальной жизни, тяготеющие к небольшим живописным деревням. Эти новые центры, которые формируют наиболее активные московские дачники, приобретают все большее значение не только для собственно дачного сообщества, но и для местного населения. При этом сами дачники сильно зависят от местных жителей, с уходом которых из деревни перестает существовать и дачное сообщество [27]. В депопулировавшем и разреженном пространстве сельской глубинки на этапе постиндустриальной трансформации размер населенного пункта, в отличие от предыдущих этапов, перестает играть решающую роль (рис. 11). В соответствии с теорией “Actor-network” [53] именно социальные сети в целом, а не отдельные элементы пространственных и социальных структур, становятся движущей силой развития сельской местности, способствуя созданию новой социальной среды и зарождению элементов малого бизнеса, инициированного обслуживанием дачного населения.

Таким образом, в Нечерноземье наблюдаются два процесса: 1) спонтанное усиление пространственной поляризации местного населения и элементов индустриальной экономики и 2) формирование постиндустриальных социальных эле-

⁵ См. www.ugory.ru – Угорский проект, публикации.

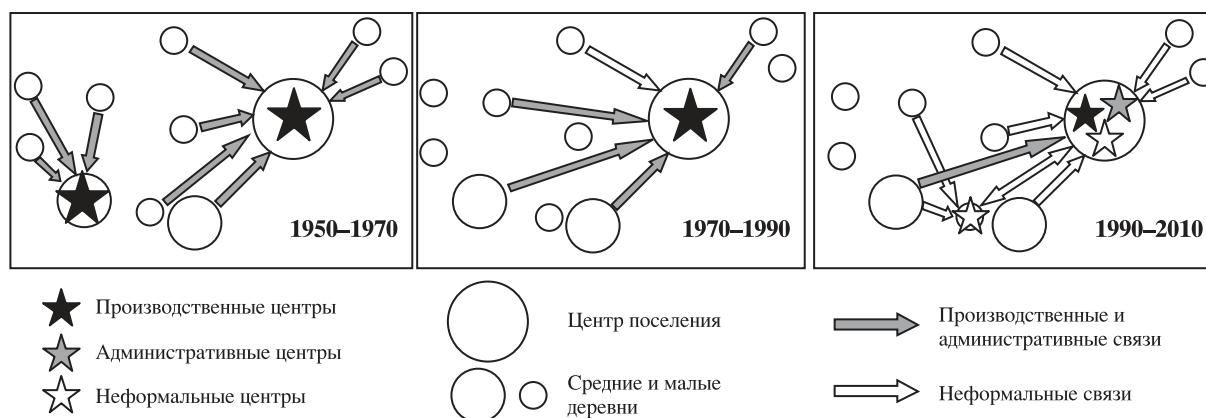

Рис. 11. Изменение производственных и социальных связей внутри сельского поселения (пример периферии Костромской области)

ментов. Последние в отличие от аналогичных процессов в западных странах имеют две особенности: *выраженную очаговость* (дачники концентрируются в наиболее живописных и транспортно доступных местах) и *сезонность*.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ – ПРИМЕР РЕГИОНА НА ЮГЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Ставропольский край находится на стыке разных природных зон, высокогорной и равнинной, черноземных степей на западе и полупустынь на северо-востоке с разными типами хозяйствования. Здесь стыкуются два цивилизационных ареала – мусульманский и христианский православный. Поэтому можно увидеть самые разные типы сельской местности. Более того, в определенной мере Ставрополье включает образцы многих южных природно-хозяйственных районов.

Главные отличия Юга от Нечерноземья, помимо природных условий и специализации сельского хозяйства, – лучший человеческий потенциал и принципиально иная система расселения. В Ставропольском крае в населенных пунктах размером более 5 тыс. чел. живет 40% сельского населения, а в пунктах людностью более 1 тысячи – почти 90% [3].

Во второй половине XX в. численность сельского населения в южных районах увеличилась. Ставропольский край – регион “поздней волны депопуляции” [49], где естественная убыль населения задержалась, хотя сейчас она набирает силу. Для края характерна повышенная плотность сельского населения (от 10 до 50 чел. на кв. км). За 20 лет она увеличилась за счет притока мигрантов. Правда, в последние годы миг-

рационный баланс сельского населения отрицательный.

Хотя кризис сельского хозяйства 1990-х годов затронул и наиболее благополучные южные регионы, именно в Краснодарском и Ставропольском краях сохранились самые лучшие предприятия России, с высокой продуктивностью земель и скота. Благоприятные природные условия, повышенный человеческий потенциал, выгодность производства зерна способствовали тому, что заброшенных полей на равнинном Северном Кавказе, особенно в его западной части, меньше, чем в других районах России. Современное Ставрополье относится к числу районов с ярким проявлением рыночных отношений. Это видно по большому интересу инвесторов к прибыльному зерновому хозяйству, по активному участию фермеров в агропроизводстве. Приход новых инвесторов зачастую означает модернизацию производства или смену специализации с животноводческо-растениеводческой на растениеводческую. Все это сопровождается сокращением занятых на предприятиях. Поэтому проблемы занятости в огромных поселениях с неразвитыми сервисными функциями и отсутствием каких-либо производств, кроме аграрного, сильно обострились. Все это *выявило сильную перенаселенность и недоурбанизированность сельского юга России* и только усилило постоянный или временный отток населения в города. Выходом могла бы стать сельская индустриализация, то есть стимулирование развития перерабатывающих пищевых производств, легкой промышленности, сервиса в крупных сельских поселениях.

В Ставропольском крае проявляется влияние всех трех факторов территориальной организации сельской местности. (рис. 12–17). Сочетание разных факторов формирует здесь совершенно

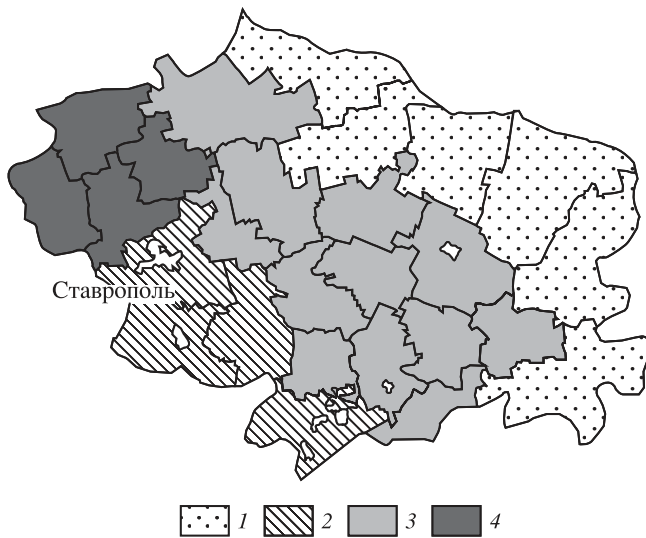

Рис. 12. Районы Ставропольского края с разными природными предпосылками земледелия.
1 – сухостепные и полупустынные; 2 – предгорные и с пересеченным рельефом; 3 – степные с благоприятными условиями; 4 – степные с наиболее благоприятными условиями.

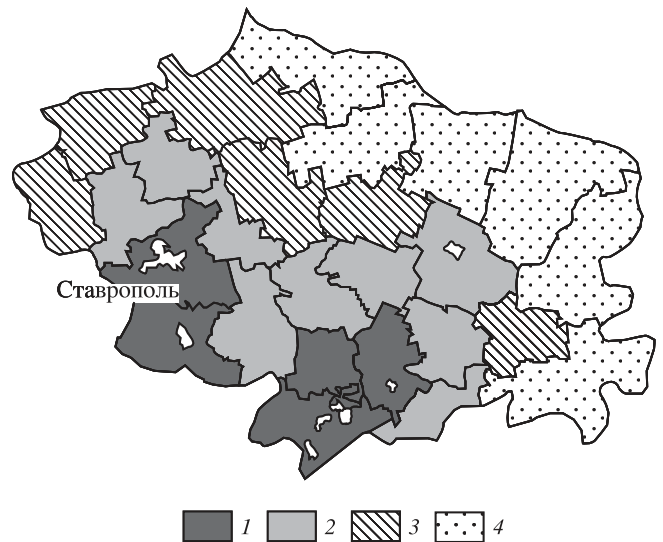

Рис. 14. Пригородно-периферийное положение районов Ставропольского края.
1 – пригород; 2 – полупригород; 3 – полупериферия; 4 – периферия.

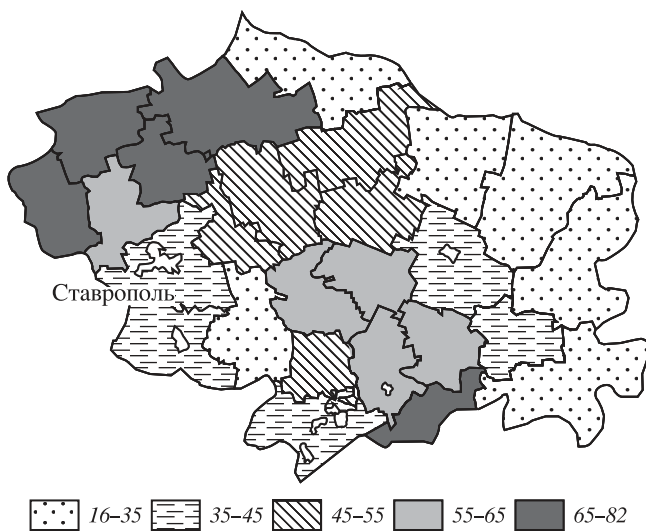

Рис. 13. Доля посевной площади в территории районов Ставропольского края в 2010 г., %.
Источник: [31].

разные сельские миры, выявляемые как статистически на основе анализа показателей по внутриобластным административным районам, так и визуально.

Для наиболее плодородных черноземных земель *запада Ставропольского края* характерно преобладание русского населения, проживающего в крупных станицах и селах, наилучшая сохранность крупных предприятий (бывших колхозов), распаханность более 80% территории

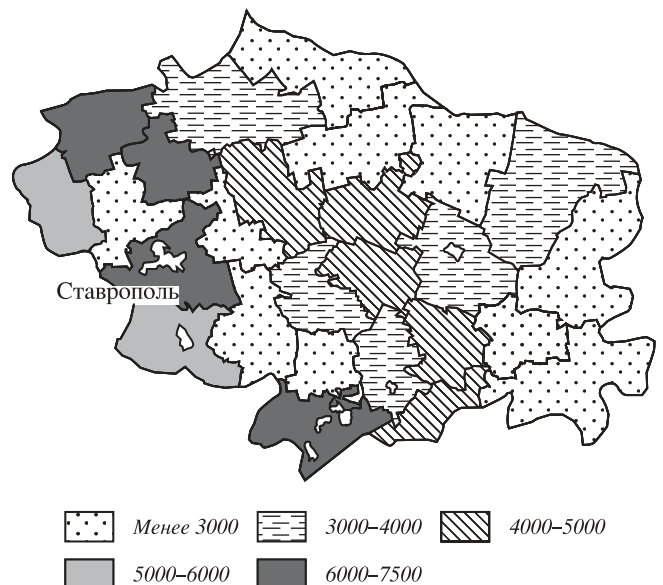

Рис. 15. Надой молока от одной коровы в сельскохозяйственных организациях Ставропольского края в 2010 г., кг в год
Источник: [46].

и расширение зернового хозяйства при сильном дефиците земли и борьбе за нее (за земельные паи) между сельхозорганизациями и крупными фермерскими хозяйствами, также занимающихся производством зерна. Переход на более выгодное растениеводство сопровождался существенным уменьшением поголовья молочного скота.

На *северо-западе и севере* края в более засушливых районах животноводство сохранилось лучше, как на предприятиях, так и у населения,

которое все активнее “разбавляется” нерусскими народностями, тяготеющими к небольшим удаленным поселениям. Здесь более экстенсивное полеводство с переходом на двухпольную систему земледелия (зерновые – пар) и значительно больше доля пастбищ. При этом предприятия переходят от молочного к мясному животноводству, которое в данных природных и экономических условиях более рентабельно.

В *центральных зерновых районах* катастрофа животноводства особенно выражена из-за массового прихода внешних инвесторов, включая московских, желающих получить быструю прибыль от зернового хозяйства и полностью избавляющихся от скота. При этом посевная площадь сократилась очень незначительно, в основном на окраинах районов и на худших землях. Именно здесь наиболее активно идет передел собственности: большинство предприятий, причем не самых худших, неоднократно проходило через процедуру банкротства. Здесь также много фермеров, занимающихся зерновым хозяйством. Известны случаи рейдерского захвата предприятий и земель фермеров. Они типичны для тех районов Юга России, где бизнес срывается с властью и чувствует себя безнаказанным. Из-за сильной распаханности и недостатка пастбищ стареющее население сокращает поголовье скота, которое сохраняется лишь в удаленных небольших поселениях у кавказских народностей.

На *северо-востоке и востоке* в сухостепных и полупустынных районах идет активное заселение территории кавказскими народностями, в основном из соседнего Дагестана, которое началось еще в 1970-х годах, но в последние годы усилилось. При этом официальная статистика миграций не выявляет потоков переселенцев, которых выталкивают из соседних республик малоземелье и безработица. На равнины Ставрополя они привносят свои технологии содержания скота, сохраняют овцеводство и развивают товарное овощеводство на приусадебных участках или в небольших фермерских хозяйствах, используя множество теневых приемов. Это мир частного хозяйства в поселениях или на разбросанных в степи кошарах без какой-либо кооперации. Только на более плодородных землях в долинах рек сохраняются крупные предприятия.

На *юге в предгорьях* производство также переходит в хозяйства населения и в небольшие фермерские хозяйства, в том числе представителей соседних республик.

Пригородные районы становятся все более привлекательными для любых мигрантов, в том

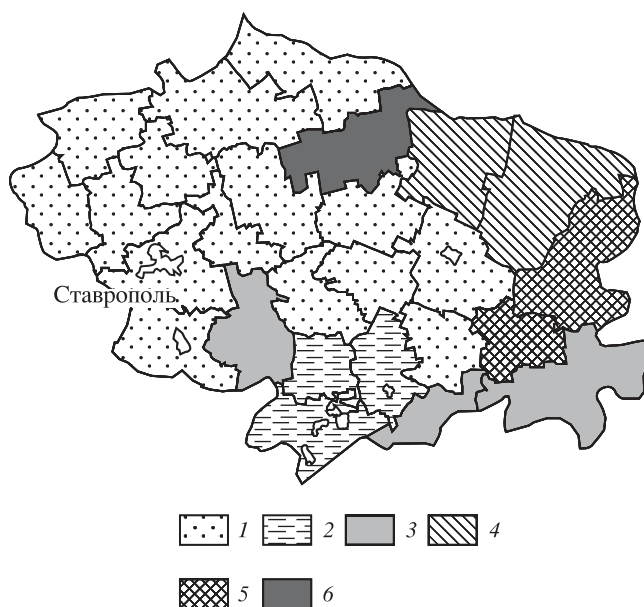

Рис. 16. Районы Ставропольского края с разным этническим составом населения.

1 – со значительным преобладанием русского населения; с повышенной долей: 2 – армян, греков; 3 – чеченцев, кабардинцев, армян, карачаевцев; 4 – даргинцев; 5 – ногайцев, даргинцев, 6 – туркмен.

Источник: [48].

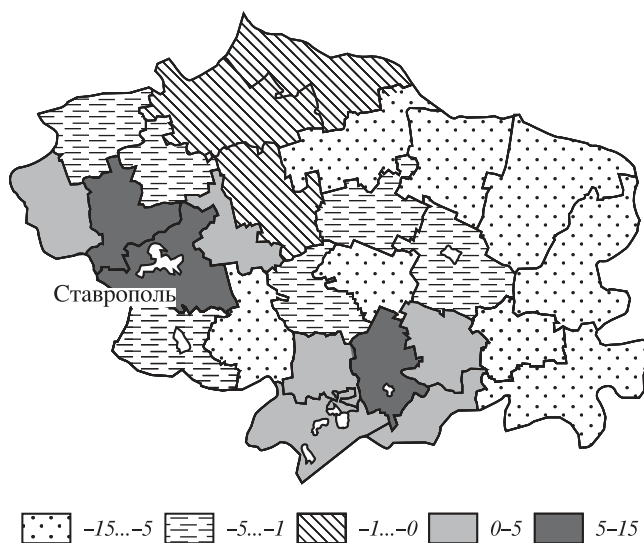

Рис. 17. Миграционный баланс русских по районам Ставропольского края в 2007 г., чел. на 1000 жителей.

Источник: [48].

числе русского населения, и для инвестиций. Рыночные процессы смены собственности и специализации здесь также ярко выражены. В то же время близость городов, особенно мощной Кавминводской агломерации, способствовала развитию птицеводства и садоводства на предприятиях, а также несельскохозяйственной занятости

Рис. 18. Коэффициент пространственной вариации населения и сельского хозяйства в Ставропольском крае и Костромской области в 1990, 2000 и 2010 гг.

сельского населения, в том числе в ближайших городах.

Пространственные различия в населенности и результатах сельского хозяйства в крае изменились за последние 20 лет не очень сильно (исключение составляет лишь сильно поляризовавшееся животноводство). Особенно это заметно по сравнению с Костромской областью, где поляризация пространства, начавшаяся гораздо раньше (рис. 8), в последние годы усилилась (рис. 18). Тем не менее и на юге происходит дифференциация пространства между растениеводческими увлажненными и/или равнинными, с одной стороны, и животноводческими засушливыми или предгорными районами, связанная с изменением национального состава населения и характера ведения хозяйства.

Наиболее заметны эти процессы на более низком масштабном уровне – на примере Левокумского района на северо-востоке края, где соседствуют два мира: долина реки Кумы (концентрирующая 60% населения, преимущественно русского) с полями зерновых, виноградниками, и огромные пространства к северу от нее – сухие степи, переходящие в полупустыни с отарами овец и стадами крупного рогатого скота, уходом за которыми все больше занимается население неславянских этносов.

Например, в крупных селах Турксад и Приозерное (с населением 2.0 и 2.2 тыс. человек) доля даргинцев в 2002 г. не превышала трети населения, в 2010 г. она составила половину и превысила долю русских. Руководитель предприятия и глава администрации – даргинцы из семей, живущих здесь с 1970–1980-х годов. Инвестор на предприятии – тоже даргинец, бизнесмен, который когда-то был чабаном, потом фермером. Две трети КРС и овец

содержится на частных кошаках или непосредственно в селах в хозяйствах населения. Благодаря дагестанским народностям район сохранил и даже увеличил поголовье овец, хотя в большинстве районов юга оно катастрофически сократилось. Но полутеневое частное животноводство у нерусских народностей приводит к перегрузке пастбищ вокруг сел, потравам полей и огородов, что вызывает хозяйственные конфликты и усиливает отъезд русского населения.

Подобное разделение пространства по этническому признаку характерно и для других районов Ставрополья. Мигрируя в более западные районы, плотно заселенные славянскими народностями, кавказские жители, занимающиеся животноводством и овощеводством, а также овощеводы турки-месхетинцы и корейцы обычно селятся в сравнительно небольших и удаленных поселениях, то есть во внутренней периферии районов. Поэтому по географическому положению и размеру поселений в Ставрополье можно судить о преобладающем этническом составе и характере землепользования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль пространства для сельской местности России с ее землеемким хозяйством и рассредоточенным расселением очень велика. *Пространственная организация становится фактором развития.* Современный технологический прогресс транспорта и сфера услуг, которая концентрируется в городах и вокруг них, не способны снизить значение фактора удаленности от больших городов на огромных необустроенных пространствах России. *Поляризация сельского пространства и адаптация хозяйства к природным условиям и, главное, к наличию трудового потенциала в современной сельской России неизбежны.* Пространственного сжатия сельской экономики не избежать. А в таком случае им лучше управлять [4], чтобы предотвратить общую экономическую катастрофу освоенных территорий. Основная задача государства – не усиливать социальные различия и подталкивать процесс опустошения территории, что делается, например, путем инициированного Министерством регионального развития РФ объединения сельских поселений, а поддерживать социальную инфраструктуру в сельской местности там, где еще сохранилось население, даже если оттуда уходит сельское хозяйство. В депопулирующих районах при разрушении социальной среды именно сочетание политики управляемого сжатия сельского хозяйства и лесной промышленности, с одной

стороны, и поддержки инфраструктуры для возникновения новых постиндустриальных элементов – с другой, может стать основной стратегией развития сельской местности. Это важно хотя бы для сохранения социального контроля над территориями.

Географический подход позволяет увидеть и увязать на разных масштабных уровнях предпосылки и ограничения сельского развития. Он показывает, как и за счет чего возникает пространственное неравенство, позволяет увидеть конкурентоспособные ареалы, начиная от наиболее перспективных регионов и заканчивая локальными точками роста.

Сложившиеся территориальные структуры, пространственные каркасы в сельской местности на разных масштабных уровнях имеют разную изменчивость. На национальном и региональном уровнях традиционное различие между Севером и Югом усиливается вследствие более ярко выраженного в сельском хозяйстве территориального разделения труда. Внутри субъектов РФ пространственные структуры оказываются весьма устойчивыми, хотя экономическая деятельность в годы кризиса и реформ стягивалась к освоенным и инфраструктурно-обустроенным ареалам. Различия между пригородами и периферией сохраняются. Например, в Костромской области они оказались определяющим фактором выживания сельской местности и сельского хозяйства. В Ставропольском крае и во многих регионах Поволжья сказываются три фактора: природные условия, экономико-географическое положение по отношению к крупнейшим центрам и этнический состав населения. Но характер увлажнения и этнические различия на юге Европейской России оказывают наибольшее влияние. При этом в последние десятилетия приспособление к новым коммерческим условиям при очень слабом межмуниципальном горизонтальном взаимодействии только усиливало существующие внутрирегиональные контрасты. Можно сказать категоричнее. *Географические факторы структуризации сельского пространства России – положение на осях “север – юг”, “пригород – периферия”, “русские – нерусские регионы” – оказались для сельской местности намного важнее политических, институциональных и общеэкономических факторов:* социализма или капитализма, плана или рынка. Они формируют эндогенную основу, влияющую на воплощение в той или иной местности общих макроэкономических или институциональных изменений. Причем пространственные контрасты становятся более явными под ветром перемен.

Внутри муниципальных районов, между предприятиями и поселениями, как в матрешке, повторяются различия, выявленные на других масштабных уровнях, причем роль локальных природных, этнических, историко-культурных, а также личностных факторов здесь выше. Именно локальный уровень позволяет совмещать ландшафтные, отраслевые сельскохозяйственные и социальные исследования сельской местности.

Приведенные примеры показали, что концентрация населения и экономики и поляризация сельского пространства выявляются на всех масштабных уровнях. *Для России характерны сжатие пространства традиционного освоения, концентрация местного сельского населения в более благоприятных южных и центральных районах и занятие внутренней периферии пришлым населением.* В Нечерноземье при концентрации населения в более крупных населенных пунктах и вокруг городов на остальной территории расселяются городские дачники и/или расширяются ареалы дикой природой. При этом наблюдается массовый отход местного населения на заработки в города и весьма избирательный приход городских капиталов в село и малые города. В южных полиэтничных регионах русские концентрируются в крупных населенных пунктах и в районах с более плодородными землями при заполнении остальной территории неславянскими народностями. В сельское хозяйство приходят городские и сельские инвесторы, в то же время и здесь сельские жители уходят на заработки в города. Так или иначе, *формируется подвижный сельско-городской континуум, имеющий очаговую структуру с принципиально разным составом населения у городов и вдали от них.* Все это говорит об усиливающейся структуризации пространства и все большем разделении ролей центральных мест и остальной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверкиева К.В.* Староосвоенная периферия Русского Центра – выживает или живет? Вохомский район Костромской области // География. 2011. № 17. С. 8–14.
2. *Алексеев А.И.* Многоликая деревня. М.: Мысль, 1990.
3. Всероссийская перепись населения 2010 года. Предварительные итоги: Стат. сб. М.: Росстат, 2011.
4. *Глазычев В.Л., Зубаревич Н.В., Стародубровская И.* Опять скажу: никто не обнимет необъятного / Интервью Г. Жога // Эксперт Урал. 2011. № 47(490). http://expert.ru/ural/2011/47/opyat-skazhu-nikto-ne-obnimet-neob_yatnogo/.

5. Городские округа и муниципальные районы Костромской области: Стат. сб. Кострома, Кострома-стат, 2009.
6. *Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.
7. Демографический ежегодник: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1995, Росстат, 2010.
8. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск. Наука, 1991.
9. *Зубаревич Н.В.* Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
10. *Зубаревич Н.В.* Праздники распила // Новая газета, 24 января 2011, № 06-07.
11. *Иоффе Г.В.* Сельское хозяйство Нечерноземья: Территориальные проблемы. М.: Наука, 1990.
12. *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
13. *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ. Социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2009.
14. *Ковалев С.А.* Сельское расселение. Географическое исследование. М.: Изд-во Московского университета, 1963.
15. *Кузьминов И.Ф.* Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере Европейской России (на примере Костромской области) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2010. № 5. С. 31–43.
16. *Кузьминов И.Ф.* Географические последствия постсоветской трансформации лесопромышленного комплекса России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. геогр. наук. М.: Институт географии РАН, 2012.
17. *Лексин В.Н.* К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 19–40.
18. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Муниципальная Россия. В 5-ти томах. М.: УРСС, 2001.
19. *Лухманов Д.Н.* Эволюция сельского расселения // Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И., 2001. С. 225–272.
20. *Маергойз И.М.* Территориальная структура хозяйства. М.: Наука. Сибирское отделение, 1986.
21. Народное хозяйство Костромской области: Стат. сб. Кострома: Костромское областное управление статистики, 1994.
22. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство, 2003.
23. *Нефедова Т.Г.* Угорское поселение – растяжение и сжатие освоенного пространства // Перспективы Российского Севера / под ред. Н.Е.Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2007. С. 65–127. www.ugory.ru
24. *Нефедова Т.Г.* Социальные ограничения развития аграрного сектора России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 9. С. 37–53.
25. *Нефедова Т.Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования (Смоленск). 2008. № 5(20). С. 14–31.
26. *Нефедова Т.Г.* Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера / ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. С. 98–120.
27. *Нефедова Т.Г.* Современное сельское Нечерноземье: территориальные контрасты и перспективы развития // Экологическое планирование и управление. 2011. № 2(13).
28. *Нефедова Т., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006.
29. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2010 г.: Стат. сб. М.: Росстат, 2011.
30. Посевные площади РФ в 2010 г.: Стат. сб. М.: Росстат, 2011.
31. Посевные площади, валовый сбор и урожайность сельскохозяйственных культур: Стат. сб. Ставрополь: Ставропольстат, 2011.
32. *Ракитников А.Н.* Избранные труды. М.: Ойкумена, 2003.
33. Регионы России: Стат. сб. М.: Росстат, 2009, 2010.
34. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. М.: Ойкумена, 1999.
35. Россия в цифрах. 2011: Стат. сб. М.: Росстат, 2011.
36. *Саушкин Ю.Г.* Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1947.
37. Сельское хозяйство в России: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998.
38. Сельское хозяйство, охота и лесоводство: Стат. сб. М.: Росстат, 2004.
39. *Стародубровская И., Миронова Н.* Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России. М.: Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2010.
40. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009.
41. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
42. *Челинцев А.Н.* Сельскохозяйственные районы РСФСР // Экономическая география. Т. 2: СССР /

- Под ред. Н.Н. Баранского. М.: Изд-во Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1929.
43. Численность населения городов, поселков городского типа и сельских районов: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1990.
 44. Численность населения городов, поселков городского типа и сельских районов: Стат. сб. М.: Росстат, 2010.
 45. Численность скота и птицы в РФ: Стат. сб. М.: Росстат, 2010.
 46. Численность скота, производство и реализация продукции животноводства сельхозпредприятиями Ставропольского края за январь–декабрь 2010 г.: Стат. сб. Ставрополь: Ставропольстат, 2011.
 47. Экономика. Аграрно-промышленный комплекс – ВТО на второе // Российская газета, 17 декабря 2011, № 5479(103).
 48. Этнический атлас Ставропольского края / В.С. Белозеров, А.Н. Панин, В.В. Чихичин. Ставрополь: Издательство Ставропольского гос. ун-та, 2008.
 49. Эфендиев А.Г., Болотина И.А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России: Социология, этнология. 2002. № 4. С. 83–125.
 50. Goodchild M. F., Proctor J. Scale in a Digital Geographic World // Geographical and Environmental Modeling. 1997. № 1.
 51. Friedmann J. Regional Development Policy. Boston, MIT, 1966.
 52. Hudson J. C. Scale in Space and Time // Geography's Inner Worlds: Pervasive, Themes in Contemporary American Geography / Abler R.F., Marcus M.G., Olson J.M. (Eds.). New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1992.
 53. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory Oxford: Oxford University Press, 2005.
 54. Scale in Geography // International encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Oxford Pergamon Press, 2001, pp. 13501–13504.

Major Trends for Changes in the Socioeconomic Space of Rural Russia

T.G. Nefedova

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow

In the article on the base of the complex multiscale approach the role of space in the development of rural Russia and key factors in their spatial organization at the national, regional, and municipal levels are analyzed. We compare the causes and consequences of changes in the rural space development of Non-Black Soil Belt and the South on the example of two regions – Kostroma oblast and Stavropol krai. It is proved that the position on the axes “North – South”, “suburb – periphery”, “Russian – non-Russian regions” for rural areas is more important than socialism to capitalism, or plan to market. These axes form an endogenous basis affecting the embodiment of macroeconomic and institutional changes in a particular area. Processes of polarization and contraction of Russian rural space are identified.